

В. Г. Белинский

Руководство к всеобщей истории

Виссарион Белинский

Руководство к всеобщей истории

«Public Domain»

1842

Белинский В. Г.

Руководство к всеобщей истории / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1842

В русской общественной мысли 30–40-х гг. XIX в., по словам А. И. Герцена, установился «союз новой философии с социализмом»; под «новой философией» подразумевалась философско-историческая диалектика Гегеля, под социализмом – комплекс утопически-социалистических воззрений, выработанных главным образом французскими мыслителями первой половины XIX в. Статья Белинского по поводу пособия Ф. Лоренца является характерным свидетельством этого «союза», отразившим как его несомненное позитивное значение, так и его историческую ограниченность.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к всеобщей истории

Сочинение Фридриха Лоренца. Часть I. Санкт-Петербург. 1841.

Век наш – по преимуществу *исторический век*. *Историческое созерцание* могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии. Мало того: само искусство теперь делалось по преимуществу историческим: исторический роман и историческая драма интересуют теперь всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла. Люди ограниченные никак не могут примирить, в своем сухом и узком понятии, свободного вымысла фантазии с историческою действительностью, – и некоторые из них, с свойственным невежеству простодушием, громко, во всеуслышание, издеваются над историческим романом, как над нелепостью^[1], которая оскорбляет здравый смысл и помрачает славу гения шотландского романиста: в слепоте своей эти жалкие умники не видят, что все величие гения Вальтера Скотта именно в том и состоит, что он был органом и провозвестником века, давший искусству историческое направление^[2]. Упадок живописи в наше время происходит совсем не оттого, чтоб это искусство исчерпало все свое содержание и отжило свой век: нет, содержание всякого искусства есть действительность, следственно, оно неисчерпаемо и неистощимо, как сама действительность... Можно утверждать с большим основанием, что живопись не умерла, а только обессилела в наше время, стараясь держаться старых преданий, идти по следам, раз и будто бы навсегда продолженным великими мастерами средних веков, сиюсь остановиться в сфере некогда могущественных и великих, но теперь уже мертвых интересов и не делаясь искусством по преимуществу историческим. Да, только в исторической живописи могут являться теперь великие творцы, ибо только историческая действительность может теперь дать живописи и живое содержание и современный интерес... Таково влияние истории на современное искусство!

В знании историческое созерцание едва ли еще не больше заметно. Давно ли эстетика шла своим особым путем, не спрашиваясь у истории, не соприкасаясь с нею? Еще и теперь многие добрые люди, повторяя чужие зады, пренаивно уверяют, что искусство само по себе, а жизнь сама по себе, что между тем и другою нет ничего общего и что искусство унизились бы, снизойдя до современных интересов^[3]. Действительно, если под «современными интересами» разуместь моды, биржевой курс, сплетни и мелочи света, то искусство играло бы слишком жалкую роль, если б унизились до симпатии к таким «современным интересам». Так и было с искусством во Франции, когда оно заставляло греческих и римских героев выражать

^[1] Имеется в виду О. И. Сенковский, который писал, что исторический роман есть «плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением» (см. его рецензию на роман Булгарина «Мазепа». – «Библиотека для чтения», 1834, т. II, отд. V, с. 14–44).

^[2] Ср. в статье «Разделение поэзии на роды и виды»: «Вальтер Скотт, можно сказать, создал исторический роман, до него не существовавший» (наст. изд., т. 3, с. 326).

^[3] Критик подразумевает полемику вокруг произведений Гоголя 30-х гг., во время которой П. М-ский (П. И. Юркевич) в «Северной пчеле» (1835, № 115), например, заявлял, что в задачу искусства входит изображение «забавного, трогательного и смешного» и что, соответственно, автор «Миргорода», обратившийся к «рубищам и грязным лохмотьям», отступил от своего призвания. Неодобрительными были отзывы о Гоголе и в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского; здесь же выступил с анонимной рецензией на «Ревизора» Н. А. Полевой, указавший, что «у г. Гоголя нет никакой идеи» и что «его предмет – анекдот... всем известный, тысячу раз напечатанный, рассказанный и обделанный в разных видах...» («Библиотека для чтения», 1836, т. XVI, отд. IV, с. 42). О правке этой рецензии Сенковским см.: Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. I. СПб., 1839, с. XVII. Через несколько месяцев после появления данной статьи критика «Мертвые души» будут встречены еще более оскорбительными откликами П. И. Греча, Полевого и Сенковского.

современные дворские сплетни. Нет, не то разумеется под историческим направлением искусства: это или современный взгляд на прошедшее, или мысль века, скорбная дума, или светлая радость времени; это не интересы сословия, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человечества; словом, это общее, в идеальном и возвышенном значении слова... Мы теперь знаем уже, что искусство, как выражение сознания того или другого народа и целого человечества в известную эпоху, – есть как бы биение пульса его жизни, а потому и развитие и история искусства тесно связаны с развитием и историей народа или человечества. Вследствие этого мы теперь знаем, что у новейших народов Европы, с тех времен, когда они познакомились с древними литературами, не могло, да и никогда не может быть эпопеи вроде «Илиады» и «Одиссеи» и что «Освобожденный Иерусалим», «Потерянный рай», «Мессиада»^{4} и т. п. суть произведения людей даровитых, но отнюдь не гениальных, – произведения блестящие, но в то же время и ложные... Мы теперь знаем, что сатира не есть осмеяние пороков для исправления нравов, но что это есть высший суд над падшим обществом, его предсмертный, раздирающий душу вопль, и что Персии и Ювеналы явились в римской литературе не случайно, а необходимо, и притом в самую пору, так что ранее не могли явиться... Мы теперь знаем, что роман и драма должны преобладать, в наше время, над всеми другими родами поэзии, как наиболее приличные и способные формы для выражения современной действительности. Мы теперь знаем, что поэты нашей эпохи не могут быть ни классиками, ни романтиками, но что в их произведениях должны заключаться и классицизм и романтизм, как прошедшее заключается в настоящем. И все это мы потому знаем, что знаем законы развития духа человеческого в истории...

^{4} Произведения Т. Тассо, Д. Мильтона и Г. Клопштока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания